

Георгий Чулков. Северный крест

Источник: "Новелла Серебряного века". Изд-во: Москва, "Терра", 1994.
OCR и вычитка: Александр Белоусенко (belousenko@yahoo.com), 8 ноября 2003.
Оригинал здесь: [Библиотека Александра Белоусенко](#)
Дополнительная правка: В. Есаулов, июль 2004 г.

I

Тысячи верст возникали передо мною, как звенья цепи, конца которой не видно; загорались и угасали глаза товарищей, тюремщиков, солдат, судей, преступников; воздвигались тюрьмы с высокими оградами – "палями", – увидеть которые пришлось мне впервые здесь, в этой таежной стране. Мне памятливы эти высокие ограды из цельных стволов, обтесанных грубо и заостренных сверху. Из-за этих древних сооружений можно было видеть лишь вершины горных дебрей и небо в его извечной метаморфозе пурпура, золота, лазури и грозного траура.

Когда миновали дни за решеткой, мы – я, пленник, и мои вооруженные спутники – сели в кибитку и помчались по льду величайшей из рек. По этой реке нам предстояло ехать три тысячи триста шестьдесят верст. И признаюсь, я встретил радостно ледяную пустыню.

Она прекрасна, когда ясный день лелеет в своем снежном лоне и огромные горы левого побережья, и беспредельную равнину другого берега, и речной путь, скованный бессмертным холодом. Голубоватый свет прозрачен над землей и рекой, – и небо как бы поет высокую песню.

Прекрасна пустыня в метельные дни, когда белый пепел вздымается и веет в лицо, и тысячи видений, созданных из серебряного праха, преграждают путь и плачут, и смеются, прильнув к одежде путника, заглядывая в его смущенные глаза. А ночью призраки, облекшись в черные ткани, уже поют иные песни, более сложные, и таинственные. Образуется вещий хор могильных голосов, и какой-то царственный безумец в широкой мантии дает знак жезлом, и тысячи хороводов кружатся то мерно, то порывисто, колдуя и очаровывая путника.

Так мы мчались по льду величайшей из рек, пьянея от чарований стоустой метели. Время от времени я чувствовал, как накрывается наша повозка, как она запрокидывается назад: это значило, что мы поднимаемся на берег – к станку.

Там, в избе, мы подкладывали дрова в камелек и опускали замороженные пельмени в кипящую воду. Утолив голод, мы вновь закутывались в оленьи шкуры и шли к повозке – я, пленник, и мои вооруженные спутники, – чтобы снова мчаться в метельную ночь.

Чем далее мы подвигались на север, тем холоднее становилось. Уже замерз коньяк, который мы везли в дорожных флягах. Уже кони порой останавливались, задыхаясь в морозной вьюге. Уже началось безумие холода, когда кажется, что пришел белолицый великан и поражает землю огромной палицей, когда земля и небо погружаются в огромную могилу – Ледяную Ночь.

Так протекает тридцать три дня, – и вот мы заметили однажды, на рассвете, неясные очертания города, но вскоре погас день, стало совсем темно. И тогда замаячили перед нами слабые огни.

Это был город: храм, тюрьма, торговые лавки, суд, больница и две высокие башни, сложенные из черных бревен в давние времена, когда край этот еще не знал, что значит власть государства.

Это был последний город на нашем пути. Далее мы ехали на оленях. Когда я увидел легкие нарты и пугливых животных с мечтательными и печальными глазами, мое сердце сжалось в странной тоске: я вдруг почувствовал свое одиночество и свою слабость перед лицом полярной равнины.

Как мчались олени! Как ослепителен был их бег! Как томителен и загадочен речитатив инородца.

Вот мы миновали темно-зеленую тайгу и мчимся среди низкорослого березняка. И я шепчу грешными устами молитву Великолепии Северного Сияния.

Как будто завеса небесная разорвалась и потоки холодного золота хлынули на землю – дар иного мира, где рождаются символы.